

Владимир Михайлов

Скучный разговор на заре

*Часть сборника
Дверь с той стороны (сборник)*

Владимир Михайлов
Скучный разговор на заре

«Автор»

1968

Михайлов В. Д.

Скучный разговор на заре / В. Д. Михайлов — «Автор», 1968

«Голос Серова был неприятен. Словно муха билась, билась, билась в иллюминатор... Горин глубоко вздохнул, но еще несколько секунд прошло, пока ему удалось разложить это жужжание на составляющие. Наконец он стал понимать слова.— Горин! — бормотал Серов. — Коллега Горин! Да вы меня слушаете?— Слушаю, — нехотя ответил Горин. Ему не хотелось разговаривать.— О чем вы задумались?— Да ни о чем. Что тут делать?..»

© Михайлов В. Д., 1968

© Автор, 1968

Владимир Михайлов

Скучный разговор на заре

Голос Серова был неприятен. Словно муха билась, билась, билась в иллюминатор... Горин глубоко вздохнул, но еще несколько секунд прошло, пока ему удалось разложить это жужжание на составляющие. Наконец он стал понимать слова.

– Горин! – бормотал Серов. – Коллега Горин! Да вы меня слушаете?

– Слушаю, – нехотя ответил Горин. Ему не хотелось разговаривать.

– О чем вы задумались?

– Да ни о чем. Что тут делать?

– Ошибаетесь, коллега. Глубоко ошибаетесь! Именно думать! – Серов произнес это точно таким тоном, каким читал лекции уже много лет подряд; по голосу старика нельзя было понять, какие чувства сейчас владеют им, и владеют ли вообще: голос профессора всегда дребезжал, как плохо собранный механизм. – Думать! Мыслить, анализировать, делать выводы!

Горин мысленно испустил стон. Стало ясно, что от старика не отвяжаться и он не даст покоя.

– Я согласен с вами, профессор, – сказал он, стараясь произносить слова как можно яснее.

– Вот и чудесно! Вот и великолепно! Человек должен думать, друг мой. Так скажите же, что именно вы об этом думаете?

Горин с трудом отвел взгляд от пепельницы. Пепельница была массивная, привычная, смотреть на нее было приятно, это успокаивало. Теперь Горин стал смотреть на кресло. На нем не было мягкой подушки, на которой так удобно было сидеть. Горин негромко выругался.

Серов мелко, противно засмеялся.

– Это великолепно! – сказал он затем. – Это исчерпывающе, если говорить об эмоциональной стороне. Но меня интересует анализ. В конце концов, мы здесь для того, чтобы наблюдать и делать выводы. Вернемся поэтому к нашей теме. Только скажите: как вы себя чувствуете?

– Немного болит голова, профессор, – сказал он. – А вы?

– Голова? В чем дело?

– Нет, ничего. Мне еще вчера казалось, что я простудился. Как себя чувствуете вы?

Профессор ответил не сразу.

– Полагаю, что «нормально» будет самым точным определением. Нормально. В пределах нормы, вы понимаете?

«Зануда», – подумал Горин и ответил:

– Разумеется, я понял.

– На таких, как я, мало что оказывает влияние. Недаром в институте меня звали Верблюдом.

– Гм... – Горин ощутил некоторую неловкость.

– Что? Ну да, незачем снабжать вас давно имеющейся у вас информацией. Я, кстати, не обижался, принимая во внимание мою непрехотливость и выносливость.

Горин пробормотал что-то неразложимое на слова. Всякий знакомый с профилем Серова и его манерой задирать голову и смотреть свысока вряд ли ошибся бы, устанавливая генезис клички.

– Да, студенты, студенты... Обязательно примите что-нибудь от головной боли, слышите?

– Пройдет, – сказал Горин устало. – Все проходит...

– Фу, коллега, стыдитесь. Не хватает только, чтобы вы оказались нытиком. Самая гнусная порода людей. Вы согласны? – Серов умолк и через несколько секунд чуть ли не с удовлетворением произнес: – Вы меня все-таки не слушаете. Так я и полагал. О чем же вы думаете?

Горин думал о Лилии; кресло рядом с ним принадлежало ей. Но говорить Серову о Лилии было незачем.

– Да так, – сказал он. – Думаю в общем...

– Вот это плохо. Никогда не надо думать в общем. Всегда – конкретно. Это необходимо для работы и, кроме всего прочего, помогает поддерживать тонус. Итак, начнем с анализа конкретной обстановки, если не возражаете.

– Вряд ли это нам под силу, – проворчал Горин. – Мы не специалисты.

– Да, – сказал старик, – Не специалисты. Но наш долг перед специалистами... Однако не заставляйте меня высказывать тривиальные вещи. Начнем с конкретной обстановки.

Горин взглянул на часы. Строго говоря, это было невежливо; такая мысль почему-то развеселила Горина. И до восхода оставалось уже немного.

– Одну минуту, профессор. Скажите: вы оптимист?

– Я? Как вам сказать, друг мой... Полагаю, что ученый по природе своей должен быть здоровым пессимистом. Потому что, зная невозможность достижения конечной цели – абсолютного знания, – он все же делает все возможное для постижения частных. И конечно, исходит при этом из объективных данных. И занимается этим всю жизнь. Всю жизнь! Этого вы не забыли?

Горин, помолчав, ответил:

– Нет.

– Вот и великолепно. Да, вы не голодны? Я хочу есть.

Серов громко зачмокал. Но Горину есть все равно не захотелось. Было такое ощущение, словно он насытился навсегда.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал старик. – Итак, начнем с того, что нам повезло.

– Повезло?

– Вне всякого сомнения. Наблюдать подобное явление, если не ошибаюсь, не приходилось еще никому. В литературе, во всяком случае, подобное не описывалось... О!

– Что?

– Нет, пустяки... Следовательно, не будем терять времени. Я не люблю терять время, вы, надеюсь, имеете об этом представление. Давайте же проанализируем то, что мы наблюдали, и попытаемся установить причины.

– Вы думаете, в этом есть смысл?

– Приступая к работе, я всегда предпочитаю думать, что результат будет достигнут, и... Да. Итак, восстановим последовательность событий. Да вы примете таблетку или нет? Что вы за работник с большой головой? Примите сейчас же. Возьмите там, справа...

– Да, знаю, – пробормотал Горин.

Он проглотил таблетку и запил водой. Оказывается, ему хотелось пить. Таблетка подействовала почти мгновенно.

– Другое дело, – сказал старик. – Даже дыхание у вас нормализовалось. Итак, что мы имели вначале? Предмет...

– Лучше – тело, – сказал Горин.

– Почему – лучше? Хорошо, пусть тело. Итак, тело, обладающее массой... Попробуйте охарактеризовать массу как можно точнее.

Горин помолчал, подсчитывая.

– Полагаю, – сказал он, невольно подражая манере старика, – что масса составляла... на интересующий нас момент... двадцать семь тысяч – двадцать семь тысяч пятьсот тонн.

Он поморщился: красный огонек раздражал его, и звук падающих капель тоже. Но тут ничего нельзя было поделать.

– Для простоты примем двадцать семь тысяч. Следовательно, тело, обладавшее массой в двадцать семь тысяч тонн, соприкасалось с грунтом в отдельных точках...

– В шести точках, – уточнил Горин.

– В шести точках – в течение...

– Сейчас... Двух часов и четырнадцати минут.

– Двух часов и четырнадцати минут. Коллега, вы наблюдали на протяжении этих двух часов и четырнадцати минут что-либо, что можно было бы теперь интерпретировать как начало процесса?

– Нет, – сказал Горин. Он подумал еще, пытаясь вспомнить, и повторил: – Нет.

– К сожалению, мы не вели специальных наблюдений, и это, безусловно, влияет на точность наших выводов. Но все же можно предположить, что процесс начался внезапно.

– Это был взрыв.

Старик неожиданно рассердился.

– В самом деле? Какое смелое утверждение! – ядовито сказал он. – А мне показалось, что это была майская роза! – Серов фыркнул. – Взрыв. Конечно, взрыв! Но что взорвалось? По какой причине? По-вашему, причина, конечно, была... м-м... субъективной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.